Для цитирования: Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 96—105.

УДК 165.02

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию феномена междисциплинарности в научном познании вообще и особенно в гуманитарных науках. Подводятся итоги ее становления приблизительно с середины XIX в. по настоящее время. Выделяются сильные и слабые стороны различных подходов к пониманию сущности междисциплинарности. Фиксируются отдельные перспективы становления междисциплинарности в гуманитарных науках.

Цель. Осуществить теоретико-методологический анализ междисциплинарности в гуманитарных науках и за их пределами, выявить тенденции ее дальнейшего становления.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, уровневый подход, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ, идеализация.

Научная новизна исследования. Введено понятие «уровень междисциплинарности». Выделен ряд таких уровней: дисциплинарный, трансдисциплинарный, проблемный, объектный. Отмечен эвристический потенциал и пределы каждого из уровней.

Результаты. Междисциплинарность интерпретирована в работе как ряд взаимодействующих между собой уровней. Причину такой ситуации следует искать в том, что каждый уровень имеет определенный специфический «центр», вокруг которого происходит его интеграция. На дисциплинарном осуществляется объединение ряда наук, на трансдисциплинарном — передача универсальной модели познания в конкретные науки, на проблемном — объединение наук, необходимых именно для решения некоторой задачи, на объектном — синтез наук, диктуемый познанием данного объекта.

Выводы. Междисциплинарность — динамично развивающийся феномен научного познания. Установлено, что каждый из рассмотренных в работе уровней не самодостаточен, влияет на другие. Показано, что наиболее перспективен в плане усиления эвристического потенциала объектный уровень междисциплинарности, который начал формироваться лишь в конце XX в. Любой уровень междисциплинарности нуждается в постоянной теоретико-методологической разработке, совершенствовании.

Ключевые понятия:
междисциплинарность,
уровни междисциплинарности,
гуманитарные науки,
перспективы междисциплинарности.

Введение

Междисциплинарность — явление для научного познания достаточно «молодое», ярко обозначившееся в XX в. До этого в XIX в. и ранее доминировали иные процессы: дифференциации наук, четкой фиксации их предметных областей, объединения преимущественно в две группы (естественные и гуманитарные). Они нацеливались либо на противостояние друг другу (неокантианцы В. Виндельбанд, Г. Риккерт), либо на «поглощение» первых вторыми как более «точными» (позитивизм О. Конта и др.). Практиковалось создание аналогов естествознания в гуманитарных дисциплинах (проект «социальной физики» [5], ставшей основой для формирования социологии, в которой О. Конт видел «истинную неделимую систему», относящуюся «всецело к человечеству», берущую начало в математике, астрономии, физике, химии, биологии [6, с. 234]).

Хотя объективно во второй половине XIX в. процесс формирования междисциплинарных исследований уже начался. В частности, Ф. Энгельс утверждал, что физики и химики «заявляют о своей некомпетентности в ***месте соприкосновения*** (курсив мой — *В. Н.*) науки о молекулах и науки об атомах, между тем как именно здесь *надо ожидать наибольших результатов* (курсив Ф. Энгельса)» [28, с. 255]. Кроме того, «ко второй половине XIX в.» относят формирование «исторической психологии» [27, с. 15], а в его последнее десятилетие появляется классический психоанализ З. Фрейда.

Однако подобные подходы (в рамках классической науки) оставались достаточно не совершенными в теоретическом плане, их создатели действовали «на ощупь», порой не имея ни методологического аппарата для реализации своей программы в жизнь, ни поддержки большинства ученых, среди которых господствовало преимущественно бинарное мировоззрение, противопоставлявшее естественные и гуманитарные науки.

В XX в. главным образом благодаря утверждению неклассической науки междисциплинарность начинает играть значительную роль. Некоторые специалисты даже отводят ей доминирующее место в научном познании наступившего столетия: «В конце нашего века (XX — *В. Н.*) междисциплинарный синтез стал не игрой ума, а насущной необходимостью. К сожалению, “физики” и “лирики” по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придется сдавать вместе» [4, с. 11, 12]. Однако для сдачи «экзамена» требуется как-то обобщить, систематизировать накопленный материал, зафиксировав его в соответствующих «билетах». Пока же существует преимущественно разнообразие подходов по данному вопросу.

Отсюда более чем столетие становления междисциплинарности в гуманитарном познании и за его пределами позволяет подвести некоторые итоги ее формирования, увидеть определенные перспективы подобных исследований.

Сущность и уровни междисциплинарности

Междисциплинарность (МД) — процесс интеграции ряда (двух и более) наук, сопровождающийся диффузией (перетеканием) и объединением различных существующих в каждой из них подходов, теорий, методов анализа. Результат подобного синтеза — появление новой, концептуально оформленной (имеющей определенное название), области знания, которую некоторые специалисты именуют «междисциплинарной областью знания» (МОЗ) [11, с. 9—10]. (Хотя МОЗ называют и другими «именами» — «междисциплинарная область исследований», «гибридная дисциплина» [15, с. 5, 174] и пока единства ученых относительно терминологии здесь нет, но в качестве рабочего варианта примем термин «МОЗ» как базовый).

Каждой такой «новой науке» (МОЗ) придется, на мой взгляд, решать ряд задач: 1) зафиксировать и описать свой предмет; 2) выделить базовые положения, которые, став моделью, можно распространять в «объединяемые науки» и за их пределы; 3) сформировать специфический «язык», категориальный аппарат; 4) постоянно расширять группу ученых, работающих в данной области; 5) обладать способностью «порождать «массу других, более частных исследований» [18, с. 111].

Однако МД неоднородна, дифференцирована. Отсюда целесообразно ввести понятие «уровень МД». Это — единица вертикальной структуры междисциплинарного знания, фиксирующая степень его общности и границы распространенности в научном познании.

Междисциплинарность начала развиваться первоначально в рамках конкретных наук. Следовательно, речь идет о ее **дисциплинарном уровне**. Здесь можно отметить два ее вида. Внутрисферная — предполагает объединение наук из одной сферы знания

(гуманитарного или естественного). В итоге появляются химическая физика, физическая химия, историческая психология, психолингвистика и т. д. Таким путем не только «размываются» традиционные границы наук, но складываются кардинально новые представления об объекте, интегрирующем данные «из многих других дисциплин. Например, социолог теперь не может помыслить общество, не обращаясь к культурологии и теории коммуникации» [17, с. 46].

Межсферная — отражает интеграцию наук из различных сфер познавательного цикла. Так, следствием объединения естественных и гуманитарных наук стали такие МОЗ, как социобиология, биополитика и т. д.

Другой уровень междисциплинарности, на мой взгляд, называется **«трансдисциплинарный»**. Здесь возникает отрасль знания, которая экстраполирует свои познавательные модели в естественные, гуманитарные, технические и т. п. науки в целом, любую конкретную область знания (от биологии до истории). Так, системный подход распространен, междисциплинарен, востребован различными науками, ибо дает им универсальную модель «системы», а синергетика — «точки бифуркации». Причем, системный подход некоторые специалисты называют высшей формой междисциплинарных исследований [18, с. 112].

У междисциплинарности, на мой взгляд, имеет смысл выделить еще один: **проблемный** уровень. Здесь точкой притяжения (интеграции) усилий различных наук становится определенная практическая проблема, т. е. объективно сложившаяся ситуация, ставящая вопросы, которые требуют ответов, решения. Как отмечает Ю. В. Сачков, «междисциплинарность проявляет себя прежде всего в ходе исследования комплексных проблем науки, т. е. проблем, которые для своего анализа и решения требуют привлечения идей и методов весьма многих отдельных наук или научных дисциплин» [18, с. 111]. Именно таким образом работали представители Римского клуба при создании своих знаменитых «докладов», на данной основе появилась наука «глобалистика».

Следующий уровень междисциплинарности целесообразно именовать «**объектным**». Здесь МОЗ порождают уже не отдельные объединяющиеся науки и их предметное поле, не универсальные модели и проблемы, а конкретный предмет (объект), познаваемый специалистами. Получается, что изучаемый объект как бы первичен, задает определенную междисциплинарную область знания, фиксирует науки, которые должны быть привлечены для его изучения, которые выступают как бы вторичными, производными от него. Сторонник такой точки зрения А. П. Неугодников уверен, что «социально-гуманитарное знание ***теперь*** (курсив мой — *В. Н.*) классифицируется по институтам, социальным общностям, структурам» [11, с. 23], даже временным периодам. Отсюда в качестве примера им приводятся такие МОЗ, как пропетология (порождена социальным институтом — собственностью), кратология (вырастает из комплексного изучения власти), религиоведение (религия), семьеведение (семья), науковедение (наука), футурология (изучение будущего) и т. д. [11, с. 23—24].

Выделение столь разнообразных видов (уровней) междисциплинарного знания требует, по мнению автора, рассмотреть каждый из них в отдельности, выявив соответствующие достижения, недостатки, перспективы каждого уровня.

Разумеется, читателю следует помнить: в чистом виде в конкретном исследовании данные уровни МД не видны, их приходится реконструировать как определенные идеально-типические конструкции. Кроме того, автор не ставит задачу дать исчерпывающее описание теоретико-методологического содержания каждого уровня МД, а только показать их наличие (присутствие) в научном познании вообще и гуманитарном — в частности.

Дисциплинарный уровень междисциплинарности

Появление внутрисферной МД выглядит достаточно логичным. Есть науки, которые тесно взаимодействуют друг с другом при изучении какого-либо предмета, а потому тяготеют к интеграции. Так, в гуманитарных науках интересный пример внутрисферной МД дает историческая психология. Она возникает в рамках синтеза двух наук: истории и психологии. Обе из них изучают человека, общество, тексты, в которых их жизнь отражается. Первая ориентирована на познание прошлого людей и коллективов, вторая — прошлого и настоящего данных объектов. Отсюда синтез истории и психологии становится полезным для всех. Появляется МОЗ, ученые, работающие в ней, соответствующие концепции. Единство обеих наук в рамках исторической психологии достигается путем решения общих задач: 1) методических (интерпретация текстов и реконструкция психолого-культурных механизмов, порождающих эти тексты); 2) теоретико-

языковых (попытка объединить концептуальные аппараты истории и психологии «в единый язык описания человеческой жизни прошлого»); 3) предметно-эпистемологические (историческая психология отталкивается от «практики иллюстрирования готовых психологических положений историческими примерами») [27, с. 47]. И хотя процесс формирования исторической психологии не закончен (ибо даже В. А. Шкуратов называет ее «область взаимодействия исторической и психологической наук» [27, с. 15]), но он демонстрирует позитивную динамику.

Межсферная МД достаточно сложна, ибо предполагает интеграцию наук, относящихся к естествознанию и гуманитарным дисциплинам. (Хотя для некоторых специалистов в подобную классификацию обязательно добавляются математика и технические науки [8, с. 29], но в данной работе автор для упрощения картины исходит из бинарной классификации главных типов научного знания). Рассмотрим межсферную МД на примере попыток синтеза социальных наук и биологии.

Конечно, отдельные случаи интервенции биологии в сферу гуманитарных наук имели место еще в XIX в. Здесь появилась модель «социального организма», использовавшаяся при изучении общества [12]. Интеграция же социальных и биологических наук начинается в 1960-е гг. Первой «ласточкой» на этом пути стала биополитика (1964 г.), затем — социобиология (1975 г.). Может показаться, что такая кооперация несет только позитивные плоды: «биологические знания оказываются востребованными» этикой, лингвистикой, эстетикой, историей, экономикой и т. д., а биология «приобретает статус не только естественнонаучной, но и социогуманитарной дисциплины» [15, с. 5]. На основе союза генетиков, этологов, экологов и гуманитариев социобиология выявляет общие принципы, отражающие «биологические свойства целых социальных систем» [15, с. 174]. Не меньше перспектив есть и у биополитики.

Однако вопрос «кто главный?» при интеграции столь разноплановых наук резко встает и здесь. А. В. Олескин начинает работу с тезиса: «XXI веку, вероятно, предстоит быть “веком биологии”» [15, с. 5]. Что можно получить в ответ на него? Не менее категоричное заявление К. Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет» [Цит. по: 2, с. 5]. После чего МД, скорее всего, станет развиваться только одной группой специалистов, признающих гегемонию «своей» науки.

Конечно, есть попытки иного подхода к интеграции социальных и биологических наук, проявившиеся при исследовании феномена агрессии у К. Лоренца. Последняя определяется им как инстинкт борьбы, направленный «против собратьев по виду у животных и человека» [9, с. 5]. Значит, констатируется общность социальных и биологических систем, на которой настаивают биополитики и социобиологи, некоторых закономерностей их функционирования [9, с. 16]. Но затем К. Лоренц указывает и на фундаментальное отличие агрессии в природе и обществе: в первой она ограничена естественными орудиями убийства (зубами, клыками и т. д.), во втором — ничем (ибо искусственное орудие, от охотничьего ружья, а до ядерной ракеты, сводит к минимуму физические усилия убивающего по отношению к жертве) [9, с. 18—19]. Подобный, продемонстрированный К. Лоренцем, поэтапный подход к интеграции биологии и гуманитарного знания (с признанием их равноправия и взаимной дополнительности) нуждается в дальнейшем теоретическом обобщении с целью формирования нового представления о МД на дисциплинарном уровне.

Констатируем: важной трудностью для дисциплинарного уровня МД выступает дифференциация интегрируемых наук. Подчас представители одной из них стремятся сделать именно свои «представления» о предмете, методологии и т. д. нового направления главными в ущерб иным объединяющимся наукам. На наш взгляд, именно эта причина (попытка позитивистов поставить естествознание выше гуманитарных наук) не позволила до конца сформироваться социальной физике XIX в. как полноценному междисциплинарному направлению познания. На подобные «грабли» наступают некоторые нынешние «интеграторы» биологии и социальных наук. Отсюда на дисциплинарном уровне МД требуется поиск баланса при «межсферном» объединении наук.

Каков итог становления дисциплинарного уровня МД? Происходит объединение существующих наук в качественно новую дисциплину (не сводимую к исходным «слагаемым»), предполагающее создание нового предмета, специфического категориального аппарата, приращение знания в теоретической и практической плоскости. Самый же главный позитивный момент такой интеграции состоит в преодолении узких «рамок» конкретных наук.

Трансдисциплинарный уровень междисциплинарности

Формирование данного уровня МД шло сложным путем. По мнению автора, психоанализ З. Фрейда — первая попытка трансдисциплинарности. Возник на стыке психологии (точнее — патопсихологии), отчасти биологии, истории, социологии, религиоведения и т. д. Давал модель структуры психики и роли в ней бессознательного. В последней имелось три элемента: «Оно» (бессознательное), «Я» (подсознание), «Сверх-Я» (сознание). Различные (преимущественно сексуального характера) желания проникали из бессознательного («обманывая» специфическими путями подсознание) в сознание человека, создавая у него особые психические болезни (неврозы). Причем, создатель психоанализа склонялся к отождествлению с бессознательным и подсознания, и сознания: «Психические процессы сами по себе бессознательны» [23, с. 11]. Сознание же играло довольно «репрессивную» роль подавления приходящих из бессознательного желаний. «Бесконечно многие культурные люди не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, агрессивности, сексуальных страстей» [24, с. 101].

Данная схема была экстраполирована З. Фрейдом с индивидуальной психики на общество в целом, где сознание «расширилось» до пределов «культуры», подавляющей «первородные» инстинкты отдельных людей. Впоследствии сторонники психоанализа в лице К. Г. Юнга и особенно Э. Фромма ушли от редукции сознания и подсознания к бессознательному, да и от сведения последнего к сексуальным мотивам. Первый говорил в пику З. Фрейду о «коллективном бессознательном», порожденным обществом и имеющем собственные формы проявления («архетипы»). Хотя и признавал, в соответствии с моделью З. Фрейда, что «сознание — эфемерное явление, осуществляющее все сиюминутные ориентации Бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение» [29, с. 132]. Второй — о «здоровом» и «больном» обществе. Вместе с тем тяга к синтезу различных наук для изучения психики у последователей З. Фрейда осталась: К. Г. Юнг пытался соединить психоанализ с социологией, а Э. Фромм — еще и с религией (буддизмом), не считая марксизма. В целом психоанализ как специфическое учение (а не форма терапии) не выходил за пределы гуманитарных наук. З. Фрейд не удержался от редукции к базовому понятию остальных составляющих психики. Он пытался экстраполировать базовую модель бессознательного с индивидуальной психики на коллектив (см. работу «Будущее одной иллюзии»), в социологию, религиоведение, культурологию, философию и т. д. Поэтому от модели познания З. Фрейда, являвшейся крайне категоричной, носившей существенную «печать» классической науки, полностью или частично отошли многие психоаналитики. Вместе с тем «первый блин» трансдисциплинарности оказался полезным, появился опыт подобного вида МД, проложивший «дорогу» системному подходу и синергетике.

Системный подход (системный анализ) формировался уже полностью в XX в., испытывая влияние преимущественно неклассической науки. Поэтому в его рамках сформировалась иная междисциплинарная модель познания, ретранслируемая в различные науки. В ее основе лежало понятие «системы» как целого, обладающего свойствами, отсутствующими у ее частей. Система дифференцирована. Она включает составные элементы (подсистемы), но не сводима к ним. Так, автомобиль состоит из трех главных элементов (кузов, двигатель, шасси), первые два из которых не могут самостоятельно ездить вообще. Но, будучи определенным образом объединены в систему, дают качественно новое свойство — возможность перемещаться на значительные расстояния. Похожую схему наблюдаем и с обществом, которое состоит из людей, но каждый из них в одиночку не может создать комплексные продукты деятельности (науку, религию, культуру и т. д.). Системы можно встретить в природном (физическом, биологическом) и социальном мирах, а потому их, в представлении сторонников данного подхода, должны изучать все науки, независимо от их принадлежности к гуманитарным дисциплинам или естествознанию. Они универсальны. Поскольку, как отмечал основатель данного подхода Л. Берталанфи, «системы повсюду!», то и любые «социальные явления должны рассматриваться как “системы”» [19, с. 33]. Далее системная модель перед ее экстраполяцией в научное познание делала еще одно допущение: «системное рассмотрение мироздания позволяет представить каждую систему как подсистему системы более высокого уровня» [26, с. 16].

Однако минусом системной трансдисциплинарной теоретической конструкции была, как и у психоанализа, полная редукция объектов окружающего мира к базовой категории. В итоге, как и в случае бессозна-

тельного, категория «система» становилась поистине безграничной.

Трансдисциплинарная модель синергетики тоже формировалась в XX в. (от Г. Хакена до И. Пригожина и его последователей на Западе и в России), использовалась в естествознании и гуманитарных науках. Синергетика базируется на системном подходе, но главное ее содержание кроется во взаимодействии определенных типов систем. В них спонтанно, через процесс самоорганизации, формируется следующая логика становления. Развитие систем — переход от хаоса к порядку, от систем неравновесных (где по начальным данным в принципе нельзя предвидеть дальнейшего состояния становления объекта) к равновесным (устойчивым). В такой ситуации возникает особое переходное состояние: «точка бифуркации». Здесь «состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования» [16, с. 11]. В данной «точке» находятся альтернативные (не менее двух) варианты становления системы. Один из них (под влиянием случайного фактора) реализуется на практике. Это обстоятельство делает эволюцию неравновесной системы принципиально непредсказуемой. «В этих точках самое полное знание не даст нам возможность вычислить то, что произойдет» [16, с. 11].

В синергетической модели познания ее универсализм достигается через фиксацию того, что становление любых систем идет от Хаоса (неравновесия) к Порядку (равновесию) через точку бифуркации, затем этот Порядок переходит в Хаос и цикл возобновляется. Причем происходит данный процесс спонтанно. Такая схема крайне полезна представителям как естественных, так и гуманитарных наук, ибо дает простое, доступное объяснение сложным явлениям, ситуациям. Поэтому, например, в историческом познании активно используют вместо «точки бифуркации» более адекватные для гуманитариев понятия: «критическая точка истории», «узловая точка истории», «историческая развилка», «точка полифуркации» и т. п. Выбор «ветви бифуркационной диаграммы» относительно истории «соответствует возрастанию роли отдельных личностей», влияющих «с помощью малых воздействий» [4, с. 107].

Однако генезис становления объекта «хаос—точка бифуркации — порядок — новый хаос», свойственный для синергетической модели познания в целом, здесь сохраняется. Причем, категория «хаос», как и понятия «бессознательное» и «система», тоже абсолютизируется, порой мистифицируется. Как утверждал Э. Ласло, «глобальный век человечества, как и все века до него, будет рождаться *в плодоносном чреве хаоса* (курсив мой — *В. Н.*)» [7, с. 62].

С синергетикой связана важная проблема для трансдисциплинарного уровня МД: апробации категориального аппарата, положений исходной модели, появившейся в одном типе научного знания (в данном случае — квантовой физике) для иных, гуманитарных наук, ее определенном упрощении для большей доступности исследователям. Отсюда наряду с синергетикой вообще, связанной с естествознанием, появляется ее гуманитарный аналог: «социосинергетика», преодолевающий трудности «трансдисциплинарного перевода».

Итог развития МД на трансдисциплинарном уровне сводится к выработке универсальной модели познания (психики с доминированием «бессознательного» у З. Фрейда, «точки бифуркации» — в синергетике, «системы» — в системном анализе и т. д.), которая затем экстраполируется как в конкретные частные науки одной предметной области (естественные, гуманитарные или иные), так и комплексно, в оба типа научного знания.

Проблемный уровень междисциплинарности

Данный уровень МД начинается с проблемы. Рассмотрим конкретный пример, на котором станет явным генезис указанного уровня. В 1960-е гг. человечество столкнулось с рядом проблем, требующих совместных усилий различных государств: от предотвращения ядерной войны и поиска способов улучшения экологической обстановки до резкого роста населения в одних странах и демографического спада в других, преодоления разрыва в экономических уровнях развития между богатыми и бедными странами в мировом масштабе и многими другими. Существование столь многочисленных «вызовов» потребовало «ответа», т. е. выработки вариантов решения глобальных проблем [см. 13]. Последние не могли быть взяты из прошлого опыта, «разрешены исторически сложившимися путями — миграцией, экспансией, экономическим ростом, технологическими преобразованиями» [22, с. 18—19]. Требовался качественный скачок в сфере управления и социальной организации.

Сложившаяся ситуация стимулировала как интеграцию ученых (в 1968 г. благодаря

усилиям А. Печчеи появилась объединявшая их неправительственная организация «Римский клуб»), так и наук: математики, демографии, истории, социологии, экономики, географии, климатологии, биологии и многих иных. Выражением последней тенденции стало появление глобалистики — дисциплины, интегрирующей частные науки для поиска вариантов решения глобальных проблем (а позднее — изучения глобализации). Что давало подобное объединение, МД? Формировались (как и на трансдисциплинарном уровне) модели, описывавшие историю, современное состояние, дававшие прогноз и предлагавшие вариант решения глобальной проблемы. В основе каждой модели лежал учет ограниченного количества факторов. Так, создатели доклада Римскому клубу «Пределы роста» Донелла и Деннис Мидоузы и их коллеги опирались на следующие параметры: рост народонаселения, промышленного капитала, производства продуктов питания, потребления ресурсов, уровня загрязнения окружающей среды. «Чтобы следить за развитием этих взаимосвязанных процессов и прогнозировать ход их развития на ближайшее будущее, нами была создана специальная компьютерная модель мира World 3» [10, с. 575]. Модели (World 1 и World 2), базирующиеся на иных факторах (население, капиталовложения, географическое пространство, природные ресурсы, загрязнение и производство продуктов питания) и их сочетании, ранее построил коллектив под руководством Дж. Форрестера [22, с. 22].

В итоге на данном уровне МД, как показал опыт Римского клуба и глобалистики, именно проблема интегрирует и ученых, и комплекс различных наук (естественных, гуманитарных) для поиска своего решения. Здесь, как и на трансдисцплинарном уровне, создаются модели, но имеющие большую практическую направленность, чем на предшествующих уровнях. Познавательная модель на данном уровне МД включает следующие элементы: 1) история (этапы становления) проблемы (прошлое); 2) современное состояние (настоящее); 3) перспективы (будущее, акцентирующее прогностический аспект проблемы); 4) варианты (способы) решения. Указанная теоретическая конструкция проявляется и за пределами глобалистики и Римского клуба, но выглядит в этом случае наиболее заметной.

Вместе с тем обилие моделей ставит вопрос об их иерархии, согласованности между собой. Таков существенный изъян проблемного уровня МД. Кроме того, здесь требуется разработка универсальной методологии.

Объектный уровень междисциплинарности

Появление объектного уровня МД выглядит логично эмпирически. Гуманитарные науки изучают разнообразные объекты: собственность, власть, семью, женщин и мужчин, города, будущее отдельных людей (коллективов) и другие. Для познания каждого из них можно привлечь ряд наук. Отсюда появление пропетологии, кратологии, семьеведения, урбанистики, футурологии закономерно. В гносеологическом плане объектный уровень служит выражением тенденции к дифференциации научного знания, проявляющегося и среди гуманитарных дисциплин. Конечно, можно занять негативную позицию по отношению к данному процессу: «Нам следует дать отпор “разгораживанию” комплексного предмета истории на историю экономики, историю религии, историю женщин» [21, с. 171]. Если же перейти на иную точку зрения и вместо «отпора» дать «дорогу» конкретному объекту, то придем к МОЗ или МД направлению исследований не только в рамках исторической науки.

Однако при таком подходе без ответа остается вопрос: любой ли «институт, социальная общность, структура» [11, с. 23] могут «породить» свое направление междисциплинарного познания или нет? Каковы критерии выделения именно «междисциплинарно-порождающих» объектов? На него на объектном уровне МД пока нет ответа.

Объектный уровень МД — один из наиболее «молодых» и даже предварительные итоги его формирования подводить еще рано. Важно, что здесь формируется «объектоцентричная» модель познания. Науки, универсальные модели познания (пришедшие из системного анализа, синергетики и т. д.), проблемы становятся при таком подходе вторичными. Объект задает не только «список» привлекаемых для его изучения наук, но и категориальный аппарат его анализа, потребную для этого методологию.

Заключение

Каковы перспективы междисциплинарности в научном познании вообще и гуманитарном в частности? Отметим ряд тенденций.

1. Имеет место переход с уровня абстрактного к конкретному. МД идет от интеграции наук через проблемы к объектам. Если рассматривать уровни МД как своеобразную познавательную систему, то в ней

прослеживается следующая тенденция: их все большей конкретизации. Дисциплинарный уровень, где объединяются отдельные науки, выглядит, на мой взгляд, наиболее абстрактным. Трансдисциплинарный, экстраполирующий определенную модель познания (точки бифуркации, системы и т. п.), более конкретен. Проблемный и объектный уровни максимально приближены к реальности, практике. Соответственно, уровни МД, рассмотренные в единстве, выступают (в вертикальном срезе) специфическим способом движения от абстрактного к конкретному.

2. В работе рассмотрена МД, ее уровни на вертикальном срезе. Между тем уровни МД, их содержание, методы проникают друг в друга, взаимодействуют, т. е. существует и горизонтальный срез МД, затронутый в работе лишь частично, а потому требующий отдельного изучения.

3. Трансдисциплинарный уровень изучен на базе трех примеров — психоанализа, системного анализа, синергетики. В реальности сюда входит кибернетика (берущая, по мнению некоторых специалистов, на себя функции так и не сформировавшейся в XIX—XX вв. в полноценную МОЗ «социальной физики» [3, с. 108]), а в рамках социального познания — миросистемный анализ. Один из его основателей И. Валлерстайн прямо говорит, что последний «не признает за всеми этими дисциплинами» (историей, политологией, экономикой, социологией) «права на интеллектуальное существование». Почему? Оказывается, «миросистемный анализ выработал свой собственный единодисциплинарный подход» [1, с. 90], т. е. сформировал свою универсальную модель познания, готовую для экстраполяции в частные гуманитарные науки. Отсюда трансдисциплинарный уровень МД целесообразно продолжить изучать на примере иных МОЗ, возникающих на его основе.

4. На объектном уровне МД протекает интересный процесс. Сначала для формирования МОЗ заимствуются разделы из иных наук (и даже за их пределами). Так, кратология, по версии В. Ф. Халипова, включала «представления о власти в таких отраслях знания, как аксиология, акмеология, морфология и даже мифология» [25, с. 236]. Первая представляет философию, вторая — психологию, третья — грамматику и биологию, четвертая — одну из первых форм общественного сознания. Если бы кратологию создавал Н. В. Стариков, то ему достаточно было бы двух наук и философии, ибо он говорит о *физике*, *химии*, *метафизике* власти [20, с. 245—249]. Примеры можно продолжить. По мнению автора, здесь видна следующая перспектива: рано или поздно на объектом уровне МД начнется переход от формирования МОЗ путем «перебора» различных разделов иных наук к поиску именно тех составных частей, которые лучше отвечают изучению именно данного объекта и создания специфических разделов, порожденных только указанным объектом.

5. Существуют направления МД познания, которые интегрируют дисциплинарный, трансдисцплинарный, проблемный, объектный уровни. Например, это, по мнению автора, КФМ (контрфактическое моделирование) прошлого. В КФМ работают в связке объект (альтернативы прошлого) — проблема (как их раскрывать?), привлекаются для решения познавательных задач как частные науки, так и синергетика, системный подход [14]. Данный опыт говорит о существующей тенденции к объединению уровней МД.

6. Каждый уровень МД находится в разной стадии становления. Дисциплинарный «работает» минимум со второй половины XIX в., трансдисциплинарный и проблемный — примерно с середины XX в., объектный — с конца XX в. и по настоящее время. Поэтому каждый уровень МД накопил свой определенный «багаж» достижений и ограничений, возможностей и пределов в теории и на практике. В перспективе же они, на мой взгляд, потребуют и совместного, кооперационного, «горизонтального» развития.

---

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : УРСС : Ленанд, 2018. 304 с.

2. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов С. А. Западная теоретическая социология. М. : Ольга, 1996. 288 с.

3. Жданов Г. Б. Физика и общество // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 105—112.

4. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997. 285 с.

5. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1911. 333 с.

6. Конт О. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении). Ростов н/Д. : Феникс, 2003. 256 с.

7. Ласло Э. Век бифуркации. Постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 3—125.

8. Лебедев С. А. Философия науки : терминол. слов. М. : Академ. проект, 2011. 269 с.

9. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 5—22.

10. Мидоуз Д., Мидоуз Д., Рандерс Й. За пределами допустимого, глобальная катастрофа или стабильное будущее // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. М. : Академия, 1999. С. 572—595.

11. Неугодников А. П. Собственность как объект междисциплинарного исследования (опыт социально-философской рефлексии) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : Реглет, 2018. 56 с.

12. Нехамкин В. А., Комиссаров И. И. Модели в гуманитарном познании: сущность, функции, перспективы исследования. Калуга : Калуж. печат. двор, 2018. 236 с.

13. Нехамкин В. А. Основные подходы к решению глобальных проблем: возможности и пределы // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 13—17.

14. Нехамкин В. А. Альтернативы прошлого в философии истории: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М. : Макс-пресс, 2008. 34 с.

15. Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М. : Изд-во ИФ РАН, 2001. 423 с.

16. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3—19.

17. Розин В. М. Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. М. : УРСС, 2016. 278 с.

18. Сачков Ю. В. Научный метод. Вопросы и развитие. М. : Едиториал УРСС, 2003. 160 с.

19. Системные исследования : ежегодник. 1969. М. : Наука, 1969. 202 с.

20. Стариков Н. В. Власть. СПб. : Питер, 2016. 320 с.

21. Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994. № 4. С. 158—174.

22. Форрестер Д. Мировая динамика. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 379 с.

23. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М. : Наука, 1989. 456 с.

24. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1990. С. 94—142.

25. Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. М. : Республика, 1999. 303 с.

26. Хомяков Д. М., Хомяков П. М. Основы системного анализа. М. : Изд-во МГУ, 1996. 108 с.

27. Шкуратов В. А. Историческая психология. Ростов н/Д. : Город N, 1994. 288 с.

28. Энгельс Ф. Диалектика природы. М. : Политиздат, 1987. 349 с.

29. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс, 1994. 336 с.

References

1. Vallerstajn I. (2018) Mirosistemnyj analiz. Vvedenie. Moscow, URSS Publ., Lenand Publ., 304 p. [in Rus].

2. Gromov I.A., Mackevich A.Yu., Semenov S.A. (1996) Zapadnaya teoreticheskaya sociologiya. Moscow, Ol'ga Publ., 288 p. [in Rus].

3. Zhdanov G.B. (1993) *Voprosy filosofii*, no 8, pp. 105—112. [in Rus].

4. Kapica S.P., Kurdyumov S.P., Malineckij G.G. (1997) Sinergetika i prognozy budushchego. Moscow, Nauka Publ., 285 p. [in Rus].

5. Ketle A. (1911) Social'naya fizika, ili opyt issledovaniya o razvitii chelovecheskih sposobnostej. Kiev, Tipografiya I.I. Chokolova Publ., 333 p. [in Rus].

6. Kont O. (2003) Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii). Rostov-na-Donu Publ., Feniks, 256 p. [in Rus].

7. Laslo Je. (1995) *Put'*, 1995, no. 7, pp. 3—125. [in Rus].

8. Lebedev S.A. (2011) Filosofiya nauki: terminologicheskij slovar'. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 269 p. [in Rus].

9. Lorenc K. (1992) *Voprosy filosofii*, no 3, pp. 5—22 [in Rus].

10. Midouz D., Midouz D., Randers J. (1999) Za predelami dopustimogo, global'naya katastrofa ili stabil'noe budushchee // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Moscow, Akademiya Publ., pp. 572—595 [in Rus].

11. Neugodnikov A.P. (2018) Sobstvennost' kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya (Opyt social'no-filosofskoj refleksii). Moscow, Reglet Publ., 56 p. [in Rus].

12. Nekhamkin V.A., Komissarov I.I. (2018) Modeli v gumanitarnom poznanii: sushchnost', funkcii, perspektivy issledovaniya. Kaluga, Kaluzhskij pechatnyj dvor Publ., 236 p. [in Rus].

13. Nekhamkin V.A. (2014) *Socium i vlast'*, no 4 (48), pp. 13—17. [in Rus].

14. Nekhamkin V.A. (2008) Al'ternativy proshlogo v filosofii istorii: teoretiko-metodologicheskij analiz. Moscow, Maks-press Publ., 34 p. [in Rus].

15. Oleskin A.V. (2001) Biopolitika. Politicheskij potencial sovremennoj biologii: filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty. Moscow, Izdatelstvo IF RAN Publ., 423 p. [in Rus].

16. Prigozhin I. (1989) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 3—19. [in Rus].

17. Rozin V.M. (2016) Priroda social'nosti: Problemy metodologii i ontologii social'nyh nauk. Moscow, URSS Publ., 278 p. [in Rus].

18. Sachkov Yu.V. (2003) Nauchnyj metod. Voprosy i razvitie. Moscow, Editorial URSS Publ.,160 p. [in Rus].

19. Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. 1969 (1969). Moscow, Nauka Publ., 202 p. [in Rus].

20. Starikov N. V. (2016) Vlast'. St. Petersburg, Piter Publ., 320 p. [in Rus].

21. Stoun L. (1994) *THESIS*, no 4, pp. 158—174. [in Rus].

22. Forrester D. (2003) Mirovaya dinamika. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 379 s. [in Rus].

23. Frejd Z. (1989) Vvedenie v psihoanaliz. Moscow, Nauka Publ., 456 p. [in Rus].

24. Frejd Z. (1990) Budushchee odnoj illyuzii // Sumerki bogov. Moscow, Politizdat Publ., pp. 94—142. [in Rus].

25. Halipov V.F. (1999) Kratologiya kak sistema nauk o vlasti. Moscow, Respublika Publ., 303 p. [in Rus].

26. Homyakov D.M., Homyakov P.M. (1996) Osnovy sistemnogo analiza. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 108 p. [in Rus].

27. Shkuratov V. A. (1994) Istoricheskaya psihologiya. Rostov-na-Donu, Gorod N Publ., 288 p. [in Rus].

28. Engel's F. (1987) Dialektika prirody. Moscow, Politizdat, 349 p. [in Rus].

29. Yung K.G. (1994) Problemy dushi nashego vremeni. Moscow, Progress Publ., 336 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A. Interdisciplinarity in modern humanitarian knowledge: trends, results and development prospects // Socium i vlast'. 2019. № 2 (76). P. 96—105.

UDC 165.02

INTERDISCIPLINARITY IN MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE: TRENDS, RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Valery A. Nekhamkin,
Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
Russian Federation, 119602, Moscow,
ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to studying the phenomenon of interdisciplinarity in scientific knowledge in general and particularly in the humanities. The results of its formation are summed up approximately from the middle of the XIX century until now. The author highlights the strengths and weaknesses of various approaches to understanding the essence of interdisciplinarity. Individual perspectives of forming interdisciplinarity in the humanities are recorded.

The aim of the study is to carry out a theoretical and methodological analysis of interdisciplinarity in the humanities and beyond, to identify trends in its further development.

Methods. The author uses the following general scientific methods: modeling, level approach, structural-functional, systemic and comparative analysis, idealization.

Scientific novelty of the study. The author introduces the concept "the level of interdisciplinarity." A number of levels are highlighted, such as disciplinary, transdisciplinary, problem, objective. The heuristic potential and limits of each level are noted.

Results. Interdisciplinarity is interpreted in the work as a series of interacting levels. The reason for this situation should be sought in the fact that each level has a specific "center" around which its integration takes place. On the disciplinary level, a number of sciences are being combined; on a transdisciplinary, the transfer of the universal model of knowledge into concrete sciences; necessary for the solution of some problem, on the objective - the synthesis of sciences, dictated by the knowledge of this object.

Conclusions. Interdisciplinarity is a dynamically developing phenomenon of scientific knowledge. It was established that each of the levels considered in the work is not self-sufficient, influences the others. It is shown that the object level of interdisciplinarity, which began to form only at the end of the twentieth century, is the most promising in terms of strengthening the heuristic potential. Any level of interdisciplinarity requires constant theoretical and methodological development and improvement.

Key concepts:
Interdisciplinarity,
levels of interdisciplinarity,
the humanities,
perspectives of interdisciplinarity.